

Информационно-аналитическая деятельность российских консульств в Монголии в начале XX века

© 2016

А.А. Сизова

В статье рассматриваются особенности деятельности консульских учреждений Российской империи в Монголии в области анализа политической и военной обстановки в начале XX в. Анализируется работа заграничных учреждений МИД по наблюдению за реализацией политики Китая в отношении Внешней Монголии и соседних регионов. Освещается участие российских дипломатов в ограничении распространения японского влияния в Монголии и раскрывается их посредническая роль в решении «тибетского вопроса».

Ключевые слова: дипломатия России, консульство, информационно-аналитическая работа, Китай, Монголия, Тибет, Япония.

Работа дипломатических и консульских учреждений держав в Восточной Азии в XIX–XX веках в условиях их энергичного проникновения в эту часть мира, активизации Японии на континенте и обострения внутривосточной борьбы в Китае была неразрывно связана со сбором и анализом данных особой важности, или «секретных данных»¹. Информацию собирали представительства всех стран, и для российских консульств, сеть которых была весьма обширна, это также было одной из приоритетных задач.

Вследствие того, что в Российской империи до начала XX века не было учреждено специализированной службы внешней разведки, необходимые сведения о зарубежных странах и о Китае, в частности, доставляли служащие нескольких ведомств — МИДа, Генерального штаба,² военного и морского министерств, министерств внутренних дел и финансов, а также региональных администраций. На Дальнем Востоке разведка стала приобретать организованные формы лишь после создания посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым специальной политической агентуры в 1906–1909 гг., поэтому большой объем секретных сведений о ситуации в регионах Китая предоставлялся правительству дипломатической миссией и консульскими представительствами.

Сведения из Внешней Монголии и Синьцзяна обладали большой важностью, поскольку консульские учреждения в этих отдаленных районах долгое время были единственными представительствами российского государства. Например, результаты осведомительной работы российских консульств в Синьцзяне еще с середины XIX в. были крайне значимы для правительства в связи с усилением в регионе соперничества России и Англии. Кроме того, в начале XX века учреждения в Кульдже, Чугучаке, Кашгаре и Урумчи проводили работу по наблюдению за активностью японцев на территории Запад-

Сизова Александра Александровна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sayun@yandex.ru.

Исследование выполнено в рамках Программы индивидуальных исследований Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2014 г.

ного Китая. Накануне Первой мировой войны они отслеживали деятельность турецких пропагандистов, германских и австрийских разведчиков. В случае с Монголией, в которой до начала XX века консул в Урге (Их-Хурэ, современном Улан-Баторе) являлся единственным официальным представителем интересов российского государства³, политические и наблюдательные функции являлись столь же важными, как и те, которые были направлены на защиту и развитие российской торговли и распространение русской культуры.

Вопросы информационно-аналитической работы российских дипломатов в Монголии до 1917 г. не являлись темой специального исследования в отечественной историографии. Некоторые сюжеты данной темы затрагивались в трудах Ш.Б. Чимитдоржиева, Е.А. Белова, С.Г. Лузянина, В.А. Моисеева, В.Г. Дацышена и других авторов, исследовавших проблемы отношений России с Монголией и Китаем в данный период⁴. Е.М. Даревская, Н.Е. Единархова и Ю.В. Кузьмин в своих трудах касались отдельных аспектов политической работы консульства в Урге, преимущественно в период пребывания на посту консула Я.П. Шишмарева⁵. Роли ургинского консульства в наблюдении за ситуацией в Тибете уделил внимание А.И. Андреев, детально изучивший политику Петербурга в отношении «царственного изгнанника» Далай-ламы, скрывавшегося в Монголии в ноябре 1904—июле 1906 г.⁶. Об участии ургинского консульства в коммуникации Далай-ламы с Петербургом, монгольскими и китайскими властями, обсуждении «тибетского вопроса» упоминает в своей статье С.Л. Кузьмин, который привлек для анализа переписку консульства в Урге⁷.

Исследователь А.Б. Гендунов в основном рассматривает формирование агентурной сети на Дальнем Востоке посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым и штаб-офицером Заамурского округа пограничной стражи А.Д. Хитрово. Роль же чиновников Министерства иностранных дел в поиске секретных данных во Внешней Монголии до и после создания этой сети не акцентируется⁸. Разрозненные свидетельства участия дипломатов в Китае и Монголии в сборе и интерпретации секретных данных, а также контрразведывательной деятельности встречаются в работах по истории специальных служб Российской империи⁹. Публикации о деятельности российских военных агентов в Монголии, изданные в последние годы, помогают уточнить, как разделялись сферы компетенции сотрудников разведки и дипломатии в начале XX века, в том числе в период борьбы монголов за национальное освобождение. Одной из таких публикаций является статья о монголоведе и тайном агенте Ф.К. Макушке (Боржимском), работавшем в Монголии в 1911 г.¹⁰ Таким образом, деятельность консульских представительств в Монголии в области наблюдения, сбора военно-политической информации, идентификации внешних угроз и противодействия иностранным разведкам в начале XX века в российской исторической науке подробно не рассматривалась.

В монгольской научной литературе, несмотря на наличие большого числа работ по истории взаимоотношений Монголии с Россией и Китаем, истории монгольского национально-освободительного движения¹¹, деятельность российских консульств также не подвергалась специальному анализу. Отдельно следует упомянуть работу О. Батсайхана, который проследил жизненный и профессиональный путь специального уполномоченного в Урге, бывшего посланника в Пекине И.Я. Коростовца, его дипломатическую работу по подготовке российско-монгольского соглашения 1912 г. и сопутствующих документов, а также взаимодействие с консульством в Урге по «монгольскому вопросу»¹².

В китайской историографии информационно-аналитическая деятельность российских консульств также остается практически не изученной. Концентрируясь в основном на проблемах межгосударственных отношений, китайские авторы упоминают о роли российских консулов в Монголии лишь в контексте внешней политики держав на Дальнем Востоке, двусторонних взаимодействий России и Китая, а также в рамках изучения «монгольского вопроса» в 1910-х годах¹³. При этом действия дипломатов, как правило, трактуются как направленные исключительно на усиление влияния России в Китае, защиту ее «империалистических» интересов в «сферах влияния», к которым относилась и Внешняя Монголия. Деятельность сотрудников российского Министерства иностран-

ных дел в данном регионе не рассматривается с точки зрения помощи монголам в сохранении их национальной самобытности и обеспечения региональной безопасности на Дальнем Востоке.

В англоязычной литературе по теме отношений России, Монголии и Китая в начале XX в. внимание авторов сосредоточено преимущественно на системных международных процессах. Единицами анализа в основном являются правительства и сложные взаимовлияния различных участников данных отношений с трех сторон. Вклад отдельных институтов в реализацию российской внешней политики в Монголии и Китае не подвергался специальному изучению. Среди авторов, касавшихся проблем российско-монгольско-китайских отношений в начале XX века, наибольшее внимание роли российских дипломатов уделили Дж. Фриттерс и П. Тан¹⁴. При этом темы, связанные с наблюдательной и контрразведывательной деятельностью консулов, не входили в сферу интересов европейских и американских ученых.

В данной статье на основе широкого круга источников и литературы, в том числе неопубликованных архивных данных, предпринята попытка рассмотреть ключевые направления и специфику информационно-аналитической работы российских консульств в Монголии (центральном городе Урге и в западной части страны) в начале XX столетия, ее значение для реализации дальневосточной стратегии Российской империи и судьбы Монголии в этот период.

Императорские российские консульства в Монголии активно привлекались к сбору секретной информации. Деятельность такого рода не именовалась «разведывательной» или «контрразведывательной», но в дипломатической переписке употреблялись термины «секретный агент», «секретные сведения», «дела секретного характера»¹⁵, «по частным каналам», следовательно, она была негласной. Таким образом, для выполнения осведомительной работы сотрудники МИД использовали не только открытые источники¹⁶. Задача по поиску секретной информации за рубежом была сформулирована в Положении об учреждении МИД 1803 г., переутвержденном императором Николаем II в 1897 г.¹⁷

Можно согласиться с тем, что Монголия была включена в область деятельности внешней разведки России только в период русско-японской войны, однако сбор сведений из закрытых источников начался российскими дипломатами в Урге задолго до создания особой политической агентуры. Ключевым вектором информационно-аналитической работы консульств в Монголии на протяжении всего периода их деятельности было наблюдение за внутривнутриполитическим положением в Монголии, взаимоотношениями маньчжурских (с 1915 г. — республиканских) и монгольских властей этого региона, духовного главы Монголии Джебдзун-Дамба-хутухты с монгольскими удельными правителями и Пекином, политикой Китая в отношении Монголии, которая в начале XX века обрела новый характер и была нацелена на военное, административное и экономическое реформирование, а также ханскую колонизацию региона. В период национально-освободительного движения монголов, развивавшегося с середины 1900-х годов, наблюдательная и осведомительная работа на этом направлении активизировалась всеми консульствами. Более того, консульские сотрудники оказались активными участниками политических событий, связанных с борьбой монголов за независимость, выступая в роли посредников в разрешении противоречий Монголии и Китая¹⁸.

Кроме анализа политической и военной обстановки на вверенной их вниманию территории, в своих донесениях в Министерство иностранных дел и посланнику в Пекине консулы в Монголии стремились зафиксировать данные о потенциальных внешних угрозах интересам Российской империи в этой «сфере влияния» и смежных с ней регионах. Отдельными статьями наблюдения были: деятельность Великобритании по закреплению в Тибете; проникновение Японии в Маньчжурию и Монголию и попытки подрыва российского влияния в этих регионах; манипулирование китайским правительством со стороны Японии, ее содействие колонизации и открытию Халхи для международной торговли. Несмотря на то, что для сбора информации во второй половине XIX—начале XX века в пограничные регионы Китая периодически направлялись экспедиции Гене-

рального штаба, результаты информационно-аналитической работы консульств во многом имели преимущество над собранными ими данными, поскольку сведения от консульств поступали с высокой частотой и регулярностью, отличались полнотой и большей точностью. Кроме того, благодаря стационарному пребыванию в одной местности на протяжении длительных сроков, дипломатам удавалось находить надежные и многообразные источники информации.

При загранучреждениях в Монголии, в отличие от консульств в других регионах Китая и в Корее, не было офицеров-разведчиков на должностях «прикрытия»¹⁹. Источниками секретных данных являлись агенты консульства (приближенные к консульству ламы, мелкие чиновники маньчжурских и монгольских управлений, торговцы). Известно, что в Западной Монголии такие агенты получали отдельное жалование. К примеру, исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев в 1906 г. оплачивал работу агента-монгола для сбора данных о «негласной деятельности» местных маньчжурских чиновников в различных районах, входивших в консульский округ²⁰. Об интригах при дворе духовного лидера Джебдзун-Дамба-хутухты, настроениях удельных князей и простых аратов, созревании и развитии национально-освободительных идей, получивших распространение в начале XX века, консулы узнавали от представителей аристократии, с которыми входили в дружественные отношения, а также посредством общения с населением. Сведения о Тибете консул в Урге получал от паломников-бурят, периодически отправлявшихся в Лхасу. Ценным источником информации о планах иностранных держав в Китае были следовавшие через Монголию зарубежные путешественники, которым консульства оказывали всяческое содействие.

С начала 1906 г. посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов приступил к созданию агентурной сети в Китае. Д.Д. Покотиллов находился в тесном взаимодействии с консульствами и администрациями приграничных регионов России (губернаторами, командующим войсками на Дальнем Востоке, начальником Заамурского округа пограничной стражи), крупными коммерческими предприятиями России, работавшими в Китае (Русско-Китайским банком, управлением КВЖД). Переводчики, служившие в приграничных администрациях, на КВЖД и при консульствах в Монголии и Маньчжурии (большинство из которых было выпускниками школы переводчиков и толмачей при консульстве в Урге) тоже доставляли агентуре полезные сведения о цинских чиновниках в Китае и Монголии, их отношении к японцам, влиянии Японии на императорский двор в Пекине, о настроениях монгольских князей и лам и т.д.²¹ Уже к 1907 г. руководителем агентуры А.Д. Хитрово была налажена разветвленная сеть информаторов, в том числе из среды русских коммерсантов, в разных пунктах Монголии и Маньчжурии. Агенты также направлялись в Ургу, города Восточной Монголии, Харбин²².

Деятельность агентуры А.Д. Хитрово в Монголии в некоторой степени пересекалась с информационно-аналитической работой консульств, однако качество анализа и интерпретации данных, а также уровень доступа к актуальной и достоверной информации у консулов оставались выше. Особое положение российских представителей и безусловное уважение к ним со стороны монгольской аристократии способствовали получению сведений «из первых рук» и на постоянной основе.

Сотрудники МИД с начала 1890-х годов проводили активную работу по наблюдению за процессами интегрирования Внешней Монголии в общую хозяйственную систему Китая. Цинское правительство со времен императора Тунчжи поощряло переселение китайцев в Южную Монголию, а с конца XIX века — и распространение колонизации в Халхе. Уже в начале XX века между Кяхтой и Ургой появились китайские фермы и пашни, а также военные казармы. Наблюдая за китаизацией соседней Маньчжурии, консул в Урге Я.П. Шишмарев предсказывал катастрофические последствия подобного процесса во Внутренней и Внешней Монголии. В письме директору Азиатского департамента Д.А. Капнисту 3 апреля 1895 г. он так писал о потенциальных результатах заселения региона китайцами и потери национальной самобытности населением Цицикарской провинции: «В самом близком будущем нашему Приамурскому краю предстоит сосущество-

вать уже не с Маньчжурией прежней, а Китаем, притом, с населением несимпатичным, характер которого, сложившийся при настоящих условиях заселения, вряд ли будет иметь что-либо в его пользу»²³. Об опасности колонизации Халхи, в том числе и для России, говорилось в докладе будущего консула в Урге и Кобдо В.Ф. Любы в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Императорского Русского географического общества²⁴. Справедливость оценок дипломатов подтвердилась с началом активной распашки земель китайцами в Монголии в 1900 г. Донося 22 января 1906 г. об усугублении ситуации с проникновением ханьцев в страну, В.Ф. Люба открыто высказал поддержку халхаской аристократии во главе с Шанцзотбой, заявившим протест против посягательства на традиционное право монголов²⁵.

Активизация подготовки колонизации халхаских земель цинским правительством усилила разногласия восточных и западных аймаков. Для изучения данных противоречий и восстановления престижа России среди монгольской элиты в середине апреля 1907 г. консул Я.П. Шишмарев направился в Цэцэн-ханский аймак и на границу²⁶. С началом реализации реформы землепользования за советом к консулам в Урге и Улясутае постоянно обращались местные князья. В конце июля 1907 г. Я.П. Шишмарев участвовал в обсуждении вопроса колонизации с хошунными князьями в Урге и поддержал намерение халхасов остановить губительные для монгольской самобытности меры правительства²⁷. Эта поддержка укрепила решимость князей обратиться к императору с просьбой оставить в Халхе прежние порядки, для чего в конце ноября 1907 г. они направили в Пекин специальную делегацию²⁸. Отставка апологета колонизации маньчжурского амбана Янь Чжи привела к сплочению князей вокруг хутухты и повысила популярность российских дипломатов, ставших главными политическими консультантами монгольской аристократии²⁹.

Глава консульства в Улясутае в сотрудничестве с коллегами в Западном Китае в 1909–1911 гг. прилагал усилия к получению сведений о планах колонизации и устройстве военных поселений в Монгольском Алтае, а также о ситуации в Урянхайском крае. 3 июня 1909 г. консул В.В. Долбежев направил посланнику Г.А. Плансону секретно снятую в ямыне улясутайского цзянцзюня копию карты Урянхайского края с печатью его правителя Гамбо-дорчжи³⁰. В течение 1909 г. он собрал ценные сведения о мерах укрепления и колонизации китайцами Алтая, административном делении китайских киргизов в ведении амбана Си Хэна, описания ухерид³¹ и их алтайских кочевий, данные о количестве солдат в Шара-Сумэ, организационной структуре войск и строителей, материальном обеспечении жизни крепости³². С помощью консула в Чугучаке в феврале 1910 г. ему удалось получить немасштабный план города³³. Во время первого объезда консулом в Улясутае В.В. Долбежевым Кобдо-Улясутайского округа в апреле—июне 1909 г. Военное ведомство назначило начальником конвоя, сопровождавшего консула, офицера военной разведки³⁴, что также стало примером взаимодействия консульского института с другими ведомствами при выполнении наблюдательных и осведомительных задач.

С начала китайско-японской войны в июле 1894 г. консульство в Урге осуществляло сбор сведений о деятельности японцев в Монголии, Китае и отношении местного населения к Японии³⁵. С этой страной правительство России связывало опасность проникновения в Монголию «третьей силы» и иностранной конкуренции российской торговле, грозившей потерей рынка. В результате действий России в Маньчжурии в 1901–1902 гг., не согласованных с японским правительством, в российско-японских отношениях нарастало напряжение. Действия Японии против России поощрялись Англией и Германией. Эти обстоятельства потребовали активизации осведомительной деятельности и Японии, и России как в Маньчжурии, так и в приманьчжурской Монголии.

Консулы в Урге и Улясутае доносили в МИД о каждом японце, побывавшем в стране, — от студентов Японской миссии в Пекине до торговцев и ученых, большинство которых были агентами. В октябре 1902 г. консул Я.П. Шишмарев сообщал о снаряженной Японией экспедиции в Монголию, Маньчжурию и на границу с Россией с целью изучения торговли. Цинское правительство приказало всем пограничным властям содействовать японским путешественникам. Глава консульства заключал, что «открытие японца-

ми непосредственных торговых сношений с Монголией не может быть нам желательным»³⁶. В задачи первой «торговой» экспедиции Японии в Монголии также входило изучение в военно-стратегическом отношении восточных районов, прилегавших к КВЖД³⁷. В июне 1903 г. управляющий консульством в Урге В.В. Долбежев запросил инструкций посланника на предмет оказания содействия экспедиции японца Ошима по рекомендации Японской миссии, а также допущения его в состоявшую при консульстве Ургинскую школу переводчиков для изучения монгольского языка. Сам В.В. Долбежев высказался о нежелательности данной экспедиции³⁸.

Во время русско-японской войны Министерство иностранных дел силами служащих Дипломатической миссии в Пекине и консульства в Урге собирало информацию о японско-китайском сотрудничестве и использовании Японией Халхи для получения разведывательных данных о военных планах и экономике России, а также для подрыва ее влияния на территории Монголии. С целью предотвращения проникновения японских агентов в страну и, одновременно, для выяснения стратегических устремлений правительства Японии началось создание агентской сети в районе монгольской столицы³⁹. Так, в октябре 1904 г. консул в Урге В.Ф. Люба принял меры для ознакомления с предписанием улясутайского цзянцзюня об оказании содействия японским закупщикам скота в Цзасактуханском аймаке⁴⁰. С 1905 г. консульства в Урге и других городах Монголии вели активное наблюдение за деятельностью японцев в монгольских хошунах, их общением с местными властями, топографическими мероприятиями и отражали это в донесениях.

В результате победы в войне с Россией политическая роль и вовлеченность Токио в международные процессы Северо-Восточной Азии существенно возросли. Все большее влияние Япония оказывала на правительство Пекина, которому она содействовала в планировании колонизации и освоения богатств Монголии. С сентября 1905 г. ургинское консульство сообщало о начале открытой деятельности японцев в Монголии. Три четверти путешественников, проезжавших по Халхе, были японцами, имели свидетельство от Вай-у-бу и губернатора Чжилейской провинции, а также право бесплатного проезда по казенным станциям. По маршруту Калган—Долоннор—Пекин проезжало несколько десятков японцев в месяц⁴¹. Под видом студентов и ученых японские агенты собирали сведения о торговле в Монголии, приобретали образцы импортных и монгольских товаров, организовав масштабную закупку сырья и скота через крупные китайские фирмы. Ими был спровоцирован рост цен на овчину и шерсть, который заставил русских купцов отказаться от покупки этой популярной в России продукции⁴².

Основной задачей японских офицеров было не столько изыскание возможностей продвижения на местный рынок японских товаров и инвестиций⁴³, сколько сбор данных о численности российских войск в приграничье и в городах пребывания консульств, отношениях монголов с русскими для выработки мер по ограничению влияния России в Монголии⁴⁴. Это отвечало политическим целям Пекина, предоставившего японским военным и торговцам полное покровительство. Японские агенты осуществляли съемку и разведку в Монголии вместе с китайскими властями, составляли точные планы окрестностей Урги, российского консульства и наблюдали за работавшими в нем дипломатами⁴⁵. Для подрывной деятельности японцы использовали подарки монгольской аристократии и помощь в получении образования в Японии, религиозную и политическую пропаганду исторической общности японского и монгольского народов, образовательную деятельность в хошунах монгольских князей (например, создание двух школ в хошуне Харачин-вана)⁴⁶.

В сентябре 1905 г. Пекином и Токио обсуждалась возможность учреждения в Монголии японского наместничества и открытия Урги и Калгана для иностранной торговли. В ответ на это управляющий консульством в Урге М.Н. Кузминский заявил маньчжурскому амбаню Янь Чжи протест против нарушения Китаем трактатных правил допущением пребывания японских подданных в Урге в течение длительных сроков⁴⁷. Намеренно переоценивая степень развития российской торговли в Монголии, Пекин выражал готовность отменить режим беспошлинного торгового оборота с Россией. Ургинским амбаням с

подачи японских советников было дано распоряжение подготовить открытие таможен с Забайкальем и Восточной Сибирью⁴⁸. В Халху и Западную Монголию планировалось направить специального уполномоченного Су-цинъвана для изучения возможностей колонизации страны и ограничения экономической экспансии России. Кузминский обращал внимание МИДа на необходимость задержать открытие Монголии для международной торговли, чтобы предотвратить гибель российского предпринимательства, по крайней мере, до момента укрепления российской концессии в Урге и организации комиссионной деятельности Русско-Китайского банка⁴⁹. Особый вред российским интересам могли нанести китайско-японские промышленные проекты в Монголии.

Организация контрразведывательной деятельности на Дальнем Востоке с лета 1905 г. сопровождалась серьезными противоречиями Министерства иностранных дел и Военного ведомства из-за реваншистских настроений военных по отношению к Японии и несогласия прогермански настроенных кругов Генерального штаба и Совета государственной обороны с курсом А.П. Извольского на сближение с Англией и Японией⁵⁰. В целом с весны 1907 г. возобладала линия МИДа, однако это потребовало от министерства больших усилий. Данные противоречия, чреватые разрушением достижений Портсмутского мирного договора, иллюстрирует инцидент в августе 1905 г., когда командование Дальневосточной армии настаивало на аресте управляющим консульством в Урге М.Н. Кузминским двух японцев, проезжавших через этот город⁵¹. Поскольку Монголия являлась нейтральной территорией, а МИД стремился нормализовать отношения с Японией, российские власти не могли открыто препятствовать проникновению японцев в эту часть Китая. В то же время дипломаты активно участвовали в сборе сведений о деятельности японских агентов и китайско-японских договоренностях и, по мере возможности, ограничивали проезд подозрительных лиц в Россию.

Так как сферы компетенции консулов и пограничных военных властей в области разведки пересекались, их сотрудничество сопровождалось конкуренцией. В частности, отношения такого характера сложились между консулом В.Ф. Люба и кяхтинским пограничным комиссаром А.Д. Хитрово. Однако, проводя в целом независимую агентурную работу, консульства содействовали военным, с 1906 г. изучавшим театр военных действий русско-японской войны и пути сообщения, осуществлявшим военно-статистическое описание сопредельных с Россией дальневосточных территорий и топографические мероприятия.

Консульские донесения свидетельствуют, что с осени 1906 г. японские агенты уже активно действовали не только в Халхе, но и в Западной Монголии⁵². Некоторые из них пытались проехать из Монголии в Россию, и консульство в Улясутае находило предлоги для отказа в выдаче им заграничных билетов⁵³. В донесении от 9 сентября 1906 г. исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев сообщал, что в Кобдо под видом торговца несколько месяцев прожил японец Закичай (транскрипция оригинальная), который собирал сведения о торговле, ездил до Кош-Агача, посетил амбана и и.о. консула в Улясутае, обещав вернуться в Монголию для торговли⁵⁴. В феврале 1908 г. В.В. Долбежев отказался выдать заграничный билет в Россию возможному японцу, приехавшему в Кобдо под именем Чжан-Кин-Юнь (транскрипция оригинальная) и попытавшемуся проехать без билета в Кош-Агач, где он в итоге был арестован⁵⁵.

В этот период чиновники МИДа, наряду с агентами Омского и Иркутского военных округов, активизировали осведомительную деятельность. Консулы устанавливали наблюдение за целыми группами японцев в монгольских хошунах, отслеживали топографические мероприятия, их общение с местными властями⁵⁶. На основе консульских донесений в Министерство иностранных дел вырабатывалась тактика в отношении Японии и потворствовавших ей властей Китая, предпринимались попытки ограничить засилье японцев в цинской администрации⁵⁷.

В октябре 1906 г. японские военные завершили рекогносцировку в Монголии. Для наблюдения за деятельностью агентов Японии, определения их численности в различных районах страны (Западной Монголии, Халхе, стране чахаров и Приманьчжурье),

оперативного реагирования на случай водворения японцев в Монголии чиновники МИДа предлагали создать специальный пункт в Долонноре или около Калгана⁵⁸. В ситуации активного японского проникновения в Монголию М.Н. Кузминский призывал к стимулированию экономического освоения страны и расширению Россией площадей землевладения в Халхе и западных округах⁵⁹.

Заключение секретной российско-японской конвенции 17 (30) июля 1907 г., по ст. 3 которой Япония обязалась «воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб» специальным интересам России во Внешней Монголии⁶⁰, не остановило командирование разведчиков в эту часть Китая. Российские консулы в Урге и Улясутае предприняли меры для пресечения деятельности групп японских агентов-пропагандистов в монастырях (в частности, в Эрдэни-цзу, где они хотели назначить собственного ламу) и ставках князей, проникавших в Забайкалье, а также ученых (к примеру, летом 1908 г. в Урге под видом таковых побывало около 20 японцев). В частности, в начале августа 1908 г. Я.П. Шишмарев смог «повлиять некоторым образом», чтобы ни один ургинский возчик не согласился отвезти очередную «научную» экспедицию Японии по направлению к Улясутайскому округу. В феврале 1908 г. консул в Улясутае предупредил посещение японцами ставок и монастырей в Улясутайском, Кобдоском округах, а также в землях дэрбэтов и урянхов⁶¹. Летом 1909 г. в ходе поездки по округу Я.П. Шишмарев собрал данные о деятельности японцев в Восточной Монголии и Приманьчжурье⁶².

Подписание российско-японского соглашения 21 июня (4 июля) 1910 г., закрепившего «формальный союз» двух стран, определило условия двустороннего взаимодействия в сферах специальных интересов (в Маньчжурии, Монголии и Корее). Обе стороны обязались не вести политическую деятельность в регионах Китая, стратегически важных для контрагента, и не препятствовать укреплению в них влияния «союзника»⁶³. Следствием соглашения стало угасание активности Японии в Монголии, направленной против России, несмотря на то, что «монгольский вектор» японской внешней политики сохранял актуальность. Однако активное наблюдение и посильное предупреждение деятельности японских агентов в Монголии продолжалось консульствами до конца 1911 г. Токио попытался воспользоваться тяжелым положением Китая после революции и закрепиться в восточных районах Внешней и Внутренней Монголии. Установление российского протектората над Монголией после переворота в Урге 1 декабря 1911 г. способствовало снижению активности японцев в этом регионе. В русско-японской конвенции 25 июня (8 июля) 1912 г. линия разграничения сфер «специальных интересов» двух держав во Внутренней Монголии прошла по так называемому пекинскому меридиану. Это позволило России сохранить контроль над частью региона, по которому проходили ключевые торговые пути в Китай⁶⁴. Российские дипломаты также смогли ограничить вмешательство Токио в монгольские дела в период, следовавший за подписанием российско-монгольского соглашения 21 октября (3 ноября) 1912 г. об автономии Монголии. В частности они пресекли попытки ряда сторонников независимости страны вступить в коммуникацию с японским правительством и найти в лице Японии противовес влиянию России и Китая.

Исторические документы содержат свидетельства участия представительств Министерства иностранных дел в Монголии в наблюдении за деятельностью германских и австрийских путешественников-офицеров, а также предотвращении их проникновения на территорию Алтая, Монголии и Урянхайского края в 1909–1911 гг. При этом, руководствуясь сообщениями о сохранении равновесия в отношениях с европейскими партнерами, МИД, невзирая на противоречия с военным ведомством, в большинстве случаев не препятствовал перемещениям иностранных путешественников⁶⁵. Накануне и с началом Мировой войны усилилась наблюдательная деятельность всех консульств в приграничных регионах Китая. Консульствам в Монголии был поручен сбор данных о возможном проникновении в страну иностранных агентов и беглых. Так, в июне 1916 г. консул в Улясутае А.А. Вальтер и начальник консульского конвоя Мейер разоблачили двух австрийских военнопленных, бежавших из Сибири. Распоряжением консула этапным порядком они были отправлены в Ургу и высланы из Монголии⁶⁶.

Секретная деятельность дипломатов в Монголии, прежде всего работавших в Урге, в изучаемый период также распространилась на сферу отношений России с Тибетом. Здесь консульство проявило себя на двух направлениях. С одной стороны, оно собирало сведения о деятельности Англии в Тибете, с другой — напрямую участвовало в определении судьбы Далай-ламы XIII Тхуптэна Гьяцо, в ноябре 1904—июле 1906 г. искавшего помощи России на фоне продвижения английской экспедиции на Лхасу.

Российское представительство в Урге содействовало контактам российских и тибетских буддистов с 1870-х годов. В начале 1890-х годов даже в условиях нерегулярных связей со «страной снегов», Я.П. Шишмарев собирал данные о действиях Англии на границе Индии и Тибета и стремился ввести «тибетскую проблему» в повестку российского правительства. Так, из полученного весной 1892 г. письма двоюродного брата наставника Джебдзун-Дамба-хутухты Я.П. Шишмарев узнал подробности закрепления Англией за собой Севера и Юга Сиккима и отношения к этому населения, в 1895 г. — детали продвижения англичан к границам Тибета и внутритибетских дискуссиях о способах отражения их наступления⁶⁷. По мере разворачивания английской экспансии в Тибете консул отслеживал послания Далай-ламы хутухте о бесчинствах англичан в «запретной стране»⁶⁸. После установления советником Далай-ламы бурятом Агваном Доржиевым прямых отношений с Петербургом в 1901 г. консульство в Урге контролировало участившиеся паломнические и торговые связи буддийских народов России с Тибетом. В период после учреждения осенью 1903 г. консульства в Дацзянлу как наблюдательной базы за действиями Англии и Франции в Тибете и Южно-Центральном Китае генеральный консул в Урге Я.П. Шишмарев и посланник в Пекине М.П. Лессар были единственными каналами связи главы этого консульства Буды Рабданова с МИДом⁶⁹. Из письма А. Доржиева, направленного через консульство, Министерство иностранных дел узнало о критическом положении Тибета зимой-весной 1904 г.⁷⁰

Образование англо-японского союза, срыв договора с Китаем (весна 1902 г.) о выводе российских войск из Маньчжурии и назревавшая война с Японией блокировали активные действия России в Центральной Азии и в Тибете. Вследствие этого Петербург не смог дать симметричный ответ на британскую экспедицию под руководством Ф. Янгхазбенда, хотя после нарушения Англией *status quo* в регионе Генеральным штабом рассматривалась возможность отправки в Тибет военно-дипломатической экспедиции П.К. Козлова⁷¹. По условиям дипломатической сделки с Великобританией России было обещано сохранение *status quo* в Тибете в обмен на ее поддержку дополнения к англо-французской декларации 1904 г. по египетскому долгу⁷². После неудачи переговоров с тибетской делегацией в Гьянцзе отряд Янгхазбенда двинулся на Лхасу и прибыл туда 3 августа. 13 (26) июля 1904 г. Далай-лама тайно бежал в Ургу, за что был низложен цинским императором. 7 сентября 1904 г. регент Ти-Римпоче заключил Лхасскую конвенцию с Англией, по условиям которой она получала широкие политико-экономические права в Тибете и фактически превращала страну в свой протекторат. По мнению А.И. Андреева, тем самым Англия официально включила «запретную страну» в сферу своего влияния, вытеснив Россию из круга акторов, определяющих ее судьбу⁷³.

Прибытие Далай-ламы XIII в Ургу активизировало «тибетский вектор» политики России и вызвало бурные дискуссии в дипломатических и военных кругах относительно будущего Тибета и роли в нем России. Консульские сотрудники в Монголии приняли деятельное участие в разрешении вопроса о судьбе тибетского иерарха. При этом работа велась по двум каналам: в Урге на время отпуска генерального консула Я.П. Шишмарева ей занимался исполняющий обязанности консула В.Ф. Люба, а сам генконсул, находившийся в то время в Петербурге, осуществлял консультационную поддержку и обсуждал проблему с центральным ведомством. Император Николай II и Министерство иностранных дел высоко ценили мнение опытного консула и в процессе выработки позиции России в вопросе о Далай-ламе просили его выступить в роли эксперта. Я.П. Шишмарев принял участие в совещаниях при министерствах по «тибетскому вопросу» и англо-российскому разграничению в Азии в январе 1905 г. и июне 1906 г.⁷⁴ В итоге по настоянию Николая II,

уверенного, что сложную ситуацию, возникшую вокруг Далай-ламы, может разрешить лишь Я.П. Шишмарев, консул досрочно вернулся в Ургу⁷⁵.

Еще находясь в Петербурге, в конце 1904 г., Я.П. Шишмарев утверждал, что пребывание Далай-ламы в Урге послужит ослаблению его авторитета в Тибете. Помимо этого, сближение первосвященника с Россией, тем более в форме предоставления ему убежища, может быть расценено Пекином и Лондоном как вызов, что было неприемлемо в условиях войны с Японией. В связи с этим он рекомендовал удалить Далай-ламу в близкую к Тибету область Монголии и оказывать иерарху финансовую поддержку, пользуясь его услугами для укрепления влияния в отдаленных монгольских районах⁷⁶. Таким образом Я.П. Шишмарев стремился сохранить равновесие в российско-китайских отношениях и одновременно не допустить внутривластного раскола в Тибете. В то же время, несмотря на ограниченные возможности России во время войны с Японией, консул призвал не оставлять первосвященника в беде и приложить усилия к выработке приемлемых условий для его возвращения на родину. Соображения Я.П. Шишмарева, очевидно, были приняты во внимание, поскольку к январю 1905 г. Министерство иностранных дел смогло выработать более четкую позицию в вопросе о судьбе Далай-ламы, которого предполагалось вернуть в Лхасу. В Урге его планировали оставить только до того времени, когда прояснились бы перспективы России в войне с Японией.

Консул В.Ф. Люба был непосредственным участником событий, связанных с пребыванием Далай-ламы в Урге и свидетелем развития напряженных отношений двух первосвященников — Джебдзун-Дамба-хутухты и Далай-ламы. Он стремился получить как можно больше сведений об этих взаимоотношениях, а также о настроениях простых верующих в связи с визитом Далай-ламы, проводя беседы с членами свиты тибетского духовного главы, ургинскими ламами и князьями. Например, от главы ламаистов Забайкалья он узнал, что Далай-лама произвел на паломников-бурят сильное впечатление и представлялся им как мудрый, просвещенный в основах веры и открытый для верующих духовный глава⁷⁷. Помимо консула, свидетелями и «летописцами» пребывания Далай-ламы в Урге, а также собеседниками последнего были академик Ф.И. Щербатской и путешественник, полковник Генерального штаба П.К. Козлов, прибывшие из Петербурга в мае 1905 г. Предложение о направлении в Ургу специальной делегации для приветствия Далай-ламы, выражения солидарности с его народом, а также использования уникального исторического момента для более глубокого ознакомления с политической и религиозной культурой Тибета и самой личностью первосвященника, было высказано на совещании российских ученых, которое состоялось в Петербурге в январе 1905 г. и в котором принял участие генеральный консул Я.П. Шишмарев.

В выработке приемлемых условий возвращения Далай-ламы в Тибет с начала зимы 1905 г. участвовали посланник в Пекине и консульство в Урге⁷⁸. Систематически направлял свои соображения по вопросу возможной эмиграции иерарха в Россию В.Ф. Люба⁷⁹. Вместе с секретарем М.Н. Кузминским он поставлял в МИД оперативную информацию об изменении обстановки в Урге и Тибете, сложных отношениях Далай-ламы с Джебдзун-Дамба-хутухтой, дискуссиях внутри свиты тибетского иерарха и в среде ургинских лам и князей о стремлении Далай-ламы получить помощь от России, отношении простых верующих к верховному ламе⁸⁰. Он провел несколько встреч с Далай-ламой, в ходе которых владыка Тибета отчетливо выражал искренние чувства к России, несмотря на то, что убедился в нереалистичности плана эмиграции в ее пределы⁸¹. Наместником правительства на Дальнем Востоке адмиралом Е.И. Алексеевым и министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом обсуждался вопрос о поручении консулу в Урге переселения Далай-ламы в Россию, если на то последует одобрение царя. По мнению адмирала, В.Ф. Люба был способен «...обставить дело наилучшим образом... и без огласки»⁸².

На протяжении всего периода пребывания Далай-ламы в Урге императорское консульство служило каналом его связи с Тибетом и Россией. Весной 1905 г. первосвященник через посредство В.Ф. Любы добивался разрешения поехать в Петербург для окончательного решения о покровительстве России в отношении Тибета. Однако в связи с начавшимся на-

циональным движением в Халхе летом 1905 г.⁸³, поддержанным Далай-ламой, МИД активизировал подготовку возвращения духовного иерарха на родину. По предложению П.К. Козлова консульство начало работу над приготовлением конвоя под видом бурятских паломников для сопровождения иерарха в Тибет⁸⁴.

Перед отъездом из Урги Далай-лама просил управляющего консульством М.Н. Кузминского заявить протест против действий Англии в Тибете⁸⁵, позаботиться об оставленных им в Урге подданных и приверженцев, защитить их от притеснений маньчжурских властей⁸⁶, а также призывал оказать монголам помощь в освободительной борьбе⁸⁷. В день отъезда из Урги Далай-лама благословил М.Н. Кузминского, при этом он не попрощался с маньчжурским амбанем, приехавшим проводить его, тем самым артикулировав свои политические симпатии⁸⁸.

В вопросе о судьбе Далай-ламы вновь проявились трения между консульством в Урге и Кяхтинским пограничным комиссарством. Его глава А.Д. Хитрово обвинял консула в стремлении дистанцироваться от общения с первосвященником, утверждал, что именно из-за этих «натянутых скрытых отношений» Далай-лама переехал из Урги на северо-запад Халхи, в Хандацинван (Ван-Хурэ), установив непосредственную связь с Петербургом через А. Доржиева и пограничное комиссарство⁸⁹. Однако доверительные беседы с консулом и данное ему благословение перед отъездом из Урги свидетельствовали о благодарности главы Тибета за оказание консульством посильной помощи. Кроме того, после отъезда Далай-ламы из Урги в Ван-Хурэ консульские сотрудники В.Ф. Люба и М.Н. Кузминский продолжали осуществлять его коммуникацию с Россией, давать консультации, а также выступали в роли посредников в переговорах Далай-ламы с Пекином⁹⁰. Не в последнюю очередь благодаря посланнику и консулу в Урге, иерарха, которому цинский император в сентябре 1905 г. приказал вернуться в Тибет, удалось оставить в Халхе до лета 1906 г. и создать условия для постепенного примирения Далай-ламы с Пекином⁹¹.

В июле 1906 г. Далай-лама покинул Северную Монголию и переехал в монастырь Гумбум в Амдо. Даже после заключения соглашения с Англией 1907 г., запретившего официальные сношения России с Тибетом⁹², консульство в Урге продолжало обеспечивать связь верховного ламы с Петербургом. Примечательно, что последний контакт Российской империи и Тибета состоялся именно при посредстве консульства в Урге, когда в ноябре 1915 г. управляющему консульством в Урге А.П. Хионину было доставлено письмо Далай-ламы, сообщавшего о нормализации ситуации в Тибете.

Таким образом, политическая деятельность консульств в Монголии в начале прошлого столетия включала и такое важное направление, как сбор секретной информации, выявление и предупреждение внешних угроз интересам России в данной стране, входившей в сферу ее интересов. Несмотря на независимость информационно-аналитической работы консульской службы, сотрудники МИДа находились во взаимодействии с другими ведомствами, осуществлявшими сбор секретных данных за рубежом, и по возможности оказывали им содействие в выполнении служебных задач. Создание агентурной сети в Китае после 1906 г. помогло разделить сугубо агентурную и информационную работу представителей России в Монголии, однако консульства продолжали доставлять подробные сведения о происходящем в округах их ответственности, чем существенно способствовали более полному и подробному информированию МИДа и других ведомств.

Результаты деятельности консульств, в особенности в период, предшествовавший созданию стационарной агентуры в Китае, имели большую значимость для правительства и администраций пограничных регионов России. Информация, поступающая от консульских учреждений в Монголии на регулярной основе и, как правило, отличавшаяся точностью, полнотой и глубиной анализа данных, составляла важный комплекс аналитических материалов, использовавшихся при выработке и принятии внешнеполитических решений, реализации стратегии России на Дальнем Востоке. В первую очередь, консульские оперативные сведения и аналитика были значимы для выстраивания и прогнозирования отношений России с Китаем и Монголией. Особую важность они приобрели в период развернувшегося движения монголов за независимость. Секретные данные,

доставленные консульством в Урге, консультации дипломатов-монголоведов Я.П. Шишмарева и В.Ф. Любы также помогли правительству России скорректировать и артикулировать «тибетскую» политику в оптимальном для национальных интересов ключе. Негласное посредничество консульства в Урге в решении «тибетского вопроса» способствовало предупреждению противоречий с Пекином и Лондоном, а следовательно, нарушения баланса сил в международной системе в трудный для России период войны с Японией.

Российские дипломаты приложили существенные усилия для наблюдения за японскими агентами в Монголии и противодействия распространению влияния Японии в этой стране. Они осознавали возможные последствия успеха действий пекинского правительства и его японских советников по стимулированию ханьской колонизации кочевой страны, интернационализации торговли и развитию японской промышленности в Халхе и Западной Монголии. Препятствуя пути японским разведчикам в Монголии, консулы помогли не допустить завершения маньчжурских реформ по превращению Внешней Монголии в рядовую китайскую провинцию и растворению национальной идентичности монголов. Тем самым консульства препятствовали и появлению в Монголии «третьей силы», что, безусловно, отвечало российским политическим и экономическим интересам и соображениям сохранения международного *status quo* в регионе в начале XX века. Усилия российских дипломатов по выявлению германских и австрийских разведчиков и беглых накануне и в годы войны в Европе также внесли вклад в обеспечение национальной и региональной безопасности.

После Октябрьской революции 1917 г. императорская консульская служба прекратила свое существование, однако многие консульские работники в Монголии продолжили сотрудничать с белогвардейскими силами, применяя навыки информационно-аналитической работы для решения новых задач. Информационная, наблюдательная и экспертная функции активно осуществлялись российскими дипломатами до конца их пребывания в Монголии.

1. Подробнее см.: История дипломатии. 2-е изд. / под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова и др. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 796.
2. Сведения о военном потенциале возможных противников собирало Статистическое отделение генерал-квартирмейстерской части Главного штаба; отделения приграничных военных округов, корпус пограничной стражи в ведении Министерства финансов собирали данные о контрабанде. В данной деятельности принимали участие легальные военные, морские атташе, военные агенты и т.д.
3. Первое консульство Российской империи в Монголии было открыто в 1861 г. Консульские учреждения в Западной Монголии были созданы в 1905 г. (Улясутай, представитель МИД прибыл к месту службы в 1906 г., официально согласие Китая на открытие консульства получено в 1909 г.), 1911 г. (Кобдо и Шара-Сумэ) и 1913 г. (Кобдо). Вице-консульство в Маймачэне учреждено в 1915 г.
4. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987; *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: ИВ РАН, 1997; *Белов Е.А.* Царская Россия и Западная Монголия в 1912–1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 96–105; Он же. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999; *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Наука, 2000; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX—1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003; *Дацишен В.Г.* Очерки истории Монголии в XIX — первой половине XX вв. М.— Берлин: Директ-Медиа, 2014; *Ганжуров В.Ц.* Россия — Монголия (история, проблемы, современность). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997; Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XXI в. / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул: Азбука, 2014.

5. *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994; *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века // Восток в прошлом и настоящем. Тезисы докладов к регион. конф. (г. Иркутск, 14–17 мая 1992 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. С. 100–102; *Единархова Н.Е.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008; Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступ. ст., примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск: Оттиск, 2001.
6. *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ, Нартанг, 2006.
7. *Кузьмин С.Л.* Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор—Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 96–102.
8. *Гендунов А.Б.* Русская агентурная разведка в Китае и Монголии в начале XX в. (по материалам Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева) // Россия и Монголия сквозь призму времени: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Улымжиевские чтения-3». Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2007. С. 101–109.
9. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/research/grekov/01.html>; *Лебедев В.А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=724>; *Колпакиди А.И., Север А.* Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия. М.: Эксмо, 2010.
10. *Макаров М., Николаев Д.* Судьбы причудливая вязь. Фёдор Конрадович Боржимский — опыт биографической реставрации // РЕЙТАР — Военно-исторический журнал. 2011. № 3 (53). С. 186–209.
11. *Лигуу Б.* Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX — начале XX вв. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960; *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX—XX в. (история социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963; *Dashpurev D., Usha Prasad.* Mongolia: Revolution and Independence. 1911–1992. New Delhi: Subhash & Associate, 1993; *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол: [Внешняя среда и государственная независимость Монголии]. Улаанбаатар: Б. и., 1995; *Baabar Bat-Erdëniin.* Twentieth Century Mongolia. Cambridge: White Horse Press, 1999; *Хишигт Н.* Монголо-русское сотрудничество в военной области (1911–1916 гг.) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2001. С. 31–42; *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ, 1911–1916: [Монгольская независимость и китайско-русско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., 1911–1916]. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2007; *Батбаяр Ц.* Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа: [Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного]. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүррээлэн, 2008; *Батбаяр Ц.* Богд хаант монгол улс гуравдахь хөршийн эрэлд: [Богдохановская Монголия в поисках третьего соседа] // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор—Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 208–220.
12. *Батсайхан О.* Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 года Иван Яковлевич Коростовец // Россия и Монголия на рубеже XIX—XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор—Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 161–171.
13. Sha E qinlue Hua shi: [История агрессии русского царизма в Китае]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1978. Vol. 1; Gu Minyi. Zhongguo jindai waijiao shilue: [Очерки внешних сношений Китая в Новое время]. Changchun: Changchun chubanshe, 1987; Zhonghua Minguo waijiao shi ziliao xuanbian. 1911–1949: [История дипломатии Китайской Республики. Избранные материалы. 1911–1949]. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1988. Part 1. 1911–1919; Menggu zu jianshi: [Краткая история монгольского народа]. Khukh-Khoto: Nei Menggu renmin chubanshe, 1985; *Li Yushu.* Mengshi lun cong: [Сборник статей о монгольской проблеме]. Taipei: Yongyu yinshuachang, 1990; *Guo Tingyi.* Jindai Zhongguo shigang: [История Китая в Новое и Новейшее время]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1999; *Huang Dingtian.* Dongbei Ya guoji guanxi shi: [История международных отношений в Северо-Восточной Азии]. Haerbin: Heilongjiang jiaoyu

- Ya guoji guanxi shi, 1999; *Fan Minfang*. 1912 nian “E Meng xieyue” ji E Meng “Shangwu zhuantiao” zhi qianding: [Заключение «Российско-монгольского соглашения» и российско-монгольского «Торгового протокола» 1912 г.] // *Zhong E guanxi de lishi yu xianshi*. Kaifeng: Henan daxue chubanshe, 2004. PP. 167–185; *Liu Cunkuang*. *Zhong E guanxi yu Wai Menggu zi Zhongguo de fenli (1911–1915)*: [Китайско-российские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая, 1911–1915 гг.] // *Zhong E guanxi de lishi yu xianshi*. Kaifeng: Henan daxue chubanshe, 2004. PP. 151–166; *Dong Ya shi cong shiqian zhi 20 shiji mo*: [История Восточной Азии с древности до конца XX в.]. Changchun: Changchun chubanshe, 2006; *Xiong Jiangjun, Chen Shaomu*. *Guanyu Mingguo shiqi Wai Menggu duli shijian de huigu yu sika*: [Размышления об отделении Внешней Монголии от Китая в период Китайской Республики] // *Dang shi yanjiu yu jiaoxue*. 2007. Issue 2. PP. 72–77; *Bi Aonan, Alatengaoqier Wulan*. *Zhong E guanxi yu Menggu wenti, 1911–1924*: [Решение спорных вопросов в истории китайско-советских отношений] // *Zhongguo lishi xuan'an de zhongjie*. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 2010. PP. 21–70.
14. *Fritters G.* *Outer Mongolia and Its International Position*. L.: Duke University Press, 1951; *Tang P.* *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931*. Durham: Duke University Press, 1959.
15. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 7 об.
16. История дипломатии. Т. 1. С. 759.
17. Цит. по: *Обухов В.Г.* Схватка шести империй: битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. С. 28.
18. Подробнее см.: *Сизова А.А.* Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 6. С. 100–113.
19. *Обухов В.Г.* Указ. соч. С. 52.
20. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 33 об.
21. *Гендунов А.Б.* Указ. соч. С. 103–107.
22. Там же. С. 102.
23. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 322 об.
24. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 131 об.
25. Там же. Л. 132.
26. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 15, 20–21.
27. Там же. Л. 15–15 об.
28. Там же. Л. 40–41.
29. Там же. Л. 42.
30. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 121–122.
31. Ухерида (укурдай) — родовой правитель в ряде округов Синьцзяна и Урянхайском крае, пользовавшийся правами дзасака (главы хошуна).
32. Там же. Л. 152 об.-154 об.
33. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 5–6.
34. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 51.
35. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 293.
36. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 156 об.-157.
37. *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века. С. 100.
38. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 188 об.
39. АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 870. Л. 4.
40. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 20.
41. Там же. Л. 71 об.-72.
42. Там же. Л. 72 об.
43. Только в 1910 г. японские капиталисты провели серьезные переговоры о создании промышленных предприятий в Монголии.
44. *Li Narangoa.* Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915–1945 // *European Journal of East Asia Studies*. 2004. Vol. 3. No. 1. PP. 49–50, 62–63.
45. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 71 об.-72.
46. *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века. С. 101–102.
47. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 73–73 об.
48. Там же. Л. 157 об.
49. Там же. Л. 160 об.

50. Греков Н.В. Указ. соч.
51. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 598. Л. 5–8.
52. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 30–31, 154 об.
53. Там же. Л. 111–112.
54. Там же. Л. 30–31.
55. Там же. Л. 111–112.
56. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 596, 598.
57. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 71–75 об.; Д. 565. Л. 9–11 об.
58. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 8–9.
59. Там же. Л. 9 об.
60. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 538.
61. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 72 об.-73.
62. Там же. Л. 85.
63. Гримм Э. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке: 1842–1925. М., 1927. С. 169.
64. Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 549–550.
65. Греков Н.В. Указ. соч.
66. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 25–28.
67. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 162 об.-165, 312, 338 об., 345 об.
68. Там же. Л. 409–410.
69. Андреев А.И. Указ. соч. С. 95–96.
70. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 4–5 об.
71. Андреев А.И. Указ. соч. С. 121–124.
72. Шаумян Т. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Нью-Йорк: The Edwin Mellen Press New York, 2001. С. 102–107.
73. Андреев А.И. Указ. соч. С. 126–129, 132.
74. Указ. соч. С. 160–161.
75. Ломакина И. Великий беглец. М.: ДИК, 2001. С. 67.
76. Андреев А.И. Указ. соч. С. 135.
77. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1454. Л. 91. Цит. по: Ломакина И.И. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М.: Т-во науч. изданий КМК, 2006. С. 51.
78. Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900–1914 гг. М.: Восточная литература, 2005. С. 67–72.
79. Там же. С. 65.
80. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 7, 9 об., 17.
81. Там же. Л. 12 об., 52 об., 53, 55.
82. Россия и Тибет. С. 64.
83. Белов Е.А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности в Урге 1906 года // Восток. 1996. № 4. С. 137–139.
84. Россия и Тибет. С. 75.
85. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 60 об.
86. Там же. Л. 66 об.
87. Там же. Л. 62 об.
88. Там же. Л. 70–70 об.
89. Россия и Тибет. С. 107–108.
90. Там же. С. 84.
91. Андреев А.И. Указ. соч. С. 152.
92. Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 539–541.